

Chapter Title: Не в порядке

Book Title: А порядка в ней нет

Book Subtitle: Российские политические ценности в неидеальном мире

Book Author(s): Элен Карнаган

Published by: Academic Studies Press. (2022)

Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2jn92hm.3>

JSTOR is a not-for-profit service that helps scholars, researchers, and students discover, use, and build upon a wide range of content in a trusted digital archive. We use information technology and tools to increase productivity and facilitate new forms of scholarship. For more information about JSTOR, please contact support@jstor.org.

Your use of the JSTOR archive indicates your acceptance of the Terms & Conditions of Use, available at <https://about.jstor.org/terms>



This book is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0). To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>.



Academic Studies Press is collaborating with JSTOR to digitize, preserve and extend access to *А порядка в ней нет*

Глава первая

Не в порядке

В России многое получается не так, как задумано. Пример тому — создание новых политических и экономических институтов после распада Советского Союза. В стране прошли конкурентные выборы, резко вырос уровень индивидуальных свобод, простые люди, на протяжении десятилетий лишённые благ демократии, обрели новые возможности, а некоторые достигли такого небывалого благосостояния, какое коммунисты полагали невозможным и недопустимым. Однако в годы правления первого президента России Б. Н. Ельцина то, что тогда называли «демократией», вылилось в обстрел здания парламента, а затем в проталкивание Конституции РФ, которая наделяла президента непомерными полномочиями. Ставший преемником Ельцина В. В. Путин укрепил «вертикаль власти», выстроенную на основе этой Конституции, отменив выборы глав регионов, закрыв независимые телевизионные каналы и внедрив практику запугивания людей, стремившихся к созданию гражданского общества. Как при Ельцине, так и при Путине элиты пытались сопротивляться ограничению своего влияния на политику, коррупция подрывала принцип ответственности правительства, а у граждан практически не оставалось механизмов воздействия на тех, кто ими правит. Рыночная экономика способствовала обогащению немногих, предоставляя большинству людей лишь ограниченные возможности. Именно в этих условиях богатейший российский олигарх М. Б. Ходорковский оказался в тюрьме, осмелившись противостоять власти Путина.

Простые люди на себе ощущали такого рода неоднозначные последствия трансформации системы. Для среднего россиянина

крушение советской системы означало нехватку продуктов питания, перебои с электроснабжением, занесенные снегом дороги и тротуары, которые никто не чистил, так как коммунальные службы перестали работать. Переход к рыночной экономике сопровождался дефицитом бюджета, задержками заработной платы, урезанием социальных расходов и разрушением городской инфраструктуры. Расширение свобод привело к росту уровня преступности и увеличению числа терактов на воздушном транспорте, в метро и других общественных местах, включая теракты с захватом заложников в московском Театральном центре на Дубровке и бесланской школе. Результаты всех этих изменений — далекие от совершенства институты с демократическими и авторитарными чертами — предстают перед гражданами в виде туманных правил, грубых чиновников и коррумпированных сотрудников ДПС, а также начальственных кабинетов, по непонятным причинам закрытых в приемные часы. В этой книге я хочу показать, как в такой беспорядочной и непредсказуемой реальности, порождаемой кардинальными изменениями в политике и экономике, формировались политические ценности россиян.

Описывая этот процесс, я оспариваю представление о том, что культурные традиции в целом сохраняются на протяжении веков и в значительной степени ограничивают развитие возможных в данной стране форм институтов¹. Ряд исследователей утверждает, что простые россияне находятся в плену этих традиций — если и не тысячелетней истории крепостничества, то, во всяком случае, вековой традиции автократической и патерналистской верховной власти. По их мнению, в силу исторического прошлого русские были не готовы воспринять демократию. Считается, что они скорее опасаются свободы для других, хотя и желают получить свободу для себя; они готовы уступить свои права правительству, если правители обещают заботиться о своих подданных; и при этом они нетерпимы к отсутствию порядка, якобы свойственному демократии. Так, например, А. Г. Дугин утверждает, что древние, геополитически обусловленные ценно-

¹ См. [Huntington 1996; Putnam 1993; Bova 2001].

сти Евразии изначально враждебны западному либерализму [Дугин 2001]. Т. Макдэниел указал на некоторые аспекты «русской идеи», которые остаются неизменными с царских времен до настоящего времени и подрывают усилия, направленные на проведение реформ [McDaniel 1996]. Ф. Флерон высказывал обеспокоенность тем, что на Западе некоторые «стремятся слишком быстро навязать слишком много демократии обществу, которое разительно отличается отсутствием демократических традиций» [Fleron 1998: 41]. По мнению Дж. Александера, российская политическая культура 1990-х годов характеризовалась «бесформенностью», политическими ценностями и убеждениями, которые были «раздроблены, противоречивы и расплывчаты», поскольку русские пытались придать осмысленность изменяющейся реальности, используя понятийный инструментарий, более подходящий для обсуждения автократического прошлого [Alexander 2000: 15, 32].

В этой книге я придерживаюсь иного подхода. Я не ищу истоки сегодняшних ценностей в географии, древней истории, религиозных традициях или сложившихся культурных нормах, но пытаюсь найти их ближайшие источники в том мире, в котором живут современные люди. Я не задаюсь вопросом, имеют ли граждане России правильные ценности для создания демократических институтов, но исследую те ценности, формированию которых способствуют существующие институты и определяемая ими реальность. Я утверждаю, что за годы советской власти простые люди, жившие в автократической системе, адаптировались к ней, но не обязательно приняли ее ценности. Точно так же они живут сегодня в политической системе, имеющей некоторые демократические элементы (например, выборы) и свои особенности, уходящие корнями в автократическое прошлое России, однако отнюдь не предпочтения большинства уводят российские власти в сторону от демократии. На протяжении большей части своей жизни российские граждане воспринимали результаты деятельности властных структур как официально творимый беспорядок — от непредсказуемости системы, в которой граждане не имели никаких прав противостоять государству,

и неэффективности государственного планирования, из-за которого было сложно купить туалетную бумагу и мыло, до дезорганизации переходного периода и сопутствующих всплесков гиперинфляции и финансовых кризисов. Именно на основании собственного жизненного опыта, а не опыта предков, живших столетия назад, россияне отдают предпочтение порядку.

В силу этого предпочтения некоторые россияне не видят особой пользы от тонкостей демократии на практике. На их взгляд, представительные институты являются слишком неуправляемыми, в социальном беспорядке им видится большая угроза, а свободный рынок они считают опасным местом, где у простых людей мало шансов на успех и им следует опасаться воров. Но далеко не все россияне смотрят на мир таким же образом. Многие, оставаясь приверженцами «порядка», в своем воображении видят страну, где все — даже представители власти — подчиняются закону, где соблюдаются права граждан и где каждый может стремиться к достижению своих целей так, как считает нужным. Для этих россиян их видение порядка в полной мере соответствует представлению о необходимости расширения демократических институтов в стране.

Ученые, которые пытаются объяснить стремительный крах коммунистических институтов, разрушившихся под давлением реформ, отмечают, что эти институты непреднамеренно способствовали поведению, которое и привело к их крушению [Bunce 1999; Solnick 1998; Olson 2000]. Советские институты не поощряли упорный труд, экономное использование ресурсов и достоверные отчеты начальству о производственных результатах; напротив, принципы стимулирования, встроенные в экономические отношения, побуждали людей уклоняться от ответственности, запасаться впрок, обманывать и воровать. Меры политического стимулирования не побуждали людей сохранять преданность руководящим органам, но, наоборот, вынуждали стремиться исключительно к собственной выгоде за счет общества. Однако эти наблюдения относятся прежде всего к поведению элит. Я же применяю логику этих аргументов к уровню обычных граждан и к тем ценностям, которые непроизвольно поощрялись

как в конце советской эпохи, так и в начале постсоветского периода. В научной литературе подробно описана сложная и зачастую хаотичная реальность советской и постсоветской систем, но в исследованиях общественного мнения в России почти не уделяется внимания влиянию этого беспорядка на общепринятые представления и ценности. Вместе с тем большинство исследователей исходит из того, что режим реализовывал свои намерения, будь то обеспечение относительной материальной безопасности в советские годы или политической свободы при Ельцине. В отличие от них я в основном сосредоточиваюсь на реалиях политической и экономической жизни, которые простые люди ощущают непосредственно, а также на влиянии этой реальности на их общественно-политические ценности.

Обнаружение источников сегодняшних ценностей в повседневной жизни граждан создает более обнадеживающую картину, чем та, которую обычно рисуют исследователи политической культуры. Если общие ценности формируются в современной действительности, а не в далеком прошлом, это означает, что культура не может отгородить нацию, даже российский народ от возможности демократического развития. История не диктует будущее. Разумеется, вполне возможно, что руководители России более не намерены развивать демократию в стране. Если в первые годы после крушения коммунистического режима мы видели расширение свобод и политической конкуренции, то при Путине развитие в сторону демократии, судя по всему, прекратилось или обратилось вспять [Levitsky 2002]. Даже если россияне в большей мере ценят демократические элементы в политической системе страны, это отнюдь не гарантирует процветание демократии в будущем.

Разговоры с россиянами

В этой книге я даю слово простым россиянам, предоставляя им возможность описать источники их политических взглядов. Мой анализ основывается на глубинных интервью, проведенных

с 60 российскими гражданами в период с 1998 по 2003 год. Я беседовала с ними в Москве, а также в двух сибирских городах (Красноярске и Новосибирске) и трех городах в так называемом «красном поясе» в европейской части России (Смоленске, Ульяновске и Воронеже). В этот «красный пояс» входят регионы, в которых с 1990-х годов у власти остаются представители коммунистической номенклатуры, а на федеральных выборах избиратели отдают предпочтение представителям компартии или националистам. Кроме того, я побывала в нескольких небольших городах и поселках Московской области, чтобы побеседовать с людьми в местах, где позитивные изменения происходили гораздо медленнее. Я интервьюировала представителей разных слоев общества, людей самых разных политических взглядов, от приверженца рынка — нового русского, живущего в потрясающих апартаментах в центре Москвы — до пожилой коммунистки, которая, чтобы как-то прожить на скудную пенсию, продавала пирожки на автобусной остановке в своем городке. Среди моих респондентов были молодая женщина-парикмахер, озабоченная сокращением возможностей, один из основателей первого в России гражданского движения, операторы ПК, электрики, учителя, врачи и пенсионеры. Они выбирались таким образом, чтобы обеспечить максимальное представительство по таким параметрам, как возраст, образование и регион проживания, поскольку именно эти факторы, как показывают различные исследования, влияют на политические предпочтения². Хотя основное внимание в этой книге уделяется политическим ценностям россиян, я использую небольшую подборку интервью с американцами, чтобы показать, в чем понимание ценностей у первых отличается от их понимания у вторых, а в чем чаще всего они совпадают.

Если массовые опросы дают очень точную картину распределения различных представлений среди населения, то глубинные интервью позволяют увидеть логику и ход мысли небольшого числа людей [Schober, Conrad 1997]. Такие интервью предоставляют возможность исследовать очевидные противоречия в пред-

² См. [Colton 2000; Colton, Hough 1998; Rose, Munro 2002].

ставлениях людей, выявить интересы, которые лежат в основе их политических предпочтений, и понять, почему люди думают так, а не иначе. Это были открытые интервью, во время которых респонденты могли говорить без ограничений, противоречить себе и затем пытаться объяснить эти противоречия, а также рассказывать истории и приводить примеры. Из многочисленных подробностей и складывалась более насыщенная, хотя и неизбежно более ограниченная картина представлений и ценностей простых россиян. У российских граждан уже была возможность выразить свое мнение в многочисленных качественных массовых опросах, проведенных в России после распада Советского Союза. В глубинных интервью, на которых основана эта книга, они получили возможность объяснить, что именно они имеют в виду.

Исследования на основе глубинных интервью, проводимых в России и других странах, позволяют сделать более глубокие выводы, которые не всегда с очевидностью следуют из массовых опросов (то есть опросов, охватывающих большое число респондентов). Одним из классических образцов такого рода работ является исследование Р. Лейна о мужчинах «Истпорта» [Lane 1962]. Лейн изучал социальные и психологические основания представлений американских мужчин из рабочего класса и нижнего среднего класса, прослеживая истоки их политических убеждений в их отношениях с отцами. Дж. Хохшильд на основе выводов из глубинных интервью с американцами сумела объяснить, почему люди в Соединенных Штатах не поддерживают перераспределение богатства [Hochschild 1981]. Глубинные интервью были особенно полезны в этом контексте, поскольку ответ обнаружился в противоречивых представлениях о справедливости и не мог быть получен на основе стандартизированных опросников. В российском контексте одним из самых глубоких исследований можно назвать работу Н. Рис, посвященную изучению историй о страданиях, которыми русские люди постоянно делятся друг с другом [Ries 1997]. Рис удалось показать, как бесконечные причитания по поводу отчаянного и плачевного положения способствуют воспроизводству того состояния, на которое они жалуются. Взявшись за тему, которая совершенно не подходит для изучения

посредством вопросов с альтернативными ответами, Д. Песмен использовала сочетание глубинных интервью и наблюдений за участниками, чтобы понять, что русские имеют в виду, когда говорят о «русской душе» [Pesmen 2000]. Применяя аналогичный подход, основанный на предоставленной простым людям возможности высказаться, Дж. Драйзек и Л. Холмс сумели выявить логику, лежащую в основе трех направлений политического дискурса в России³. В отличие от книг Песмен и Рис, моя работа в большей степени сосредоточена на политической жизни; в отличие от Драйзека и Холмса, я более подробно рассматриваю социальные истоки выявленных представлений.

Анализ глубинных интервью с россиянами дал ряд интересных результатов. Прежде всего, эти интервью показывают, как повседневная жизнь и непосредственный личный опыт влияют на политическую ориентацию многих россиян. Например, оценки моими респондентами представительных институтов основывались не на абстрактной идее о том, как в идеале должны функционировать демократические институты, но на их собственном представлении о несовершенной работе институтов, с которыми они сталкивались. Точно так же их реакции на рыночные реформы отражают недостатки, характерные для российского рынка, а не обусловленную культурой предрасположенность к уравнительному распределению благ. В глазах многих моих респондентов окружающая их социальная действительность представляла хаотичной, угрожающей или, по крайней мере, непредсказуемой. И это ощущение неминуемого социального беспорядка оказывало значительное влияние на их политические взгляды. Люди, в наибольшей степени обеспокоенные этим социальным беспорядком, были менее склонны поддерживать демократию и доверять чиновникам. Но при этом они не стремились приветствовать институциональные изменения, поскольку любые перемены

³ Драйзек и Холмс применяют дискурс-анализ и Q-методологию. С помощью Q-методологии выстраиваются модели субъективности в относительно небольшой выборке респондентов, которых просят реагировать на высказывания, отчасти построенные на основе опросов фокус-групп [Dryzek, Holmes 2002: 92–113].

сами по себе воспринимались ими как элемент беспорядка, который их пугал.

Однако далеко не все россияне разделяли эти опасения. Некоторые из тех, кого я интервьюировала, были убежденными сторонниками демократии. Многие из них были способны видеть закономерности в процессах, которые оставались непонятными для других, в частности внутренние раздоры, характерные для представительных институтов, или предвыборные межпартийные распри. Они видели в демократических институтах не источники хаоса, а инструменты, с помощью которых можно контролировать окружающую действительность. Даже российские демократы, как правило, отдают предпочтение «порядку» и «сильному государству», и именно анализ интервью помогает лучше разобраться в том, что на первый взгляд предстает как внутренние противоречия в их идеях. Когда люди, у которых я брала интервью, говорили о «порядке», они чаще всего имели в виду общество, в котором закон ограничивает противоправное поведение членов общества — даже нечистых на руку чиновников — таким образом, чтобы все остальные могли пользоваться благами свободы. Для многих из моих респондентов — демократов и недемократов, поборников и противников свободного рынка, пенсионеров и молодых людей — была характерна пассивность по отношению к власти. В целом они довольно скептически относились к возможности позитивных перемен. Они еще не освоились со своей новой ролью граждан, так как не уверены в том, что политическая ситуация в стране кардинально изменилась. Их пассивность может обернуться убеждением в том, что становление демократии в России зависит от благих намерений тех, кто находится у власти. Вряд ли на это стоит рассчитывать.

Предварительные замечания

Изложение материала в этой книге выстраивается как ряд последовательных этапов. В главе второй рассматриваются пространственные политические взгляды в контексте жизненных

обстоятельств простых людей. Я утверждаю, что эти обстоятельства — в частности опыт взаимодействия с государственными институтами, забота об экономической безопасности семьи, а также восприятие порядка и предсказуемости в повседневной жизни — окрашивают политические взгляды по меньшей мере в такой же степени, как культурные ценности, унаследованные от прошлого. Я предлагаю новую интерпретацию советской и постсоветской политической культуры как ответа на текущий социальный беспорядок.

В главе третьей дается описание применяемой методологии. В ходе глубинных интервью респонденты могут объяснить свои идеи, обосновать свой выбор и прояснить логику, увязывающую одну идею с другой. В результате такие интервью дают нам уникальную возможность понять политические и социальные ценности простых людей. В российском контексте глубинные интервью особенно полезны для выявления очевидных противоречий в общей системе ценностей в меняющемся обществе. Поскольку респонденты были выбраны в разных больших и малых городах России, в главе третьей я также рассматриваю политические и экономические условия в тех местах, где я проводила интервью, показывая спектр обстоятельств, с которыми сталкиваются мои респонденты и все россияне. Кроме того, для сравнения я анализирую небольшую выборку интервью с американцами. В определенном смысле представления россиян становятся более понятными, когда мы видим, чем они отличаются и чем похожи на представления людей, которым посчастливилось жить в гораздо более политически стабильном и в целом процветающем обществе. Без такого сравнения можно подумать, что недостаточная поддержка демократии — это чисто российская особенность, тогда как на самом деле эта черта, вероятно, свойственна также и обществам в странах, где намного лучше функционируют политические институты.

В главах с четвертой по восьмую представлены результаты анализа интервью. В главе четвертой я показываю, как несовершенство политических институтов в России определяет несовершенство демократических ценностей граждан. Комментарии

российских респондентов о работе законодательных институтов и роли закона в организации общества отчетливо указывают на следующее: то, что выглядит как недостаточная поддержка демократии, может быть лучше понято как разноплановая критика деятельности существующих институтов. Моим респондентам абстрактная демократия нравится гораздо больше, нежели то, что обозначается этим словом в обществе, в котором они живут. Они не разделяют многие убеждения, которые принято считать характерными для традиционной, недемократической политической культуры России. Они хотят улучшения, а не демонтажа демократических институтов. Плохая работа институтов, безусловно, влияет на отношение к ним, однако такое восприятие, по-видимому, не способствует укреплению демократии в целом. Общее разочарование в возможности простых граждан влиять на чиновников означает, что сами граждане не готовы прилагать усилия для усовершенствования этих институтов или расширять существующие в них демократические элементы.

Многие россияне скептически относятся к преимуществам свободного рынка, в том числе люди, которые в целом отдают предпочтение демократическим институтам. В главе пятой я показываю, что в России скептически настроенные по отношению к рынку демократы не сильно отличаются от либерально настроенных демократов. В моей выборке и те, и другие полагают, что в экономической жизни должны действовать принципы справедливого вознаграждения за труд и что не все люди заслуживают одного и того же. Ни одна из групп не отдает предпочтение равному распределению богатства. Все они считают, что существенную роль в экономике должно играть правительство, в частности посредством создания условий, при которых люди могут действовать самостоятельно. Обе группы видят явные изъяны в российском капитализме. Отличие демократов-скептиков от демократов-либералов заключается в том, какое значение они придают этим изъянам. Проблема, как они ее видят, заключается в экономической системе, которая основана на чрезвычайно несправедливом распределении государственной собственности и в которой бóльшую часть благ получают

криминал и люди, обладающие связями, а не те, кто честно и много трудится. В отличие от либеральных демократов, скептики не готовы поддерживать экономическую систему, которая еще не обеспечивает равные возможности для большинства российских граждан. Сравнение с американскими респондентами показывает, что у россиян, по всей видимости, нет какого-то иного, обусловленного культурой набора экономических ожиданий. В главе пятой объясняется, почему простые россияне — даже демократически настроенные — поддерживают явно усиливающийся авторитаризм путинского режима. Многие из моих респондентов видят в Путине лидера, преодолевающего худшие беды времен Ельцина, когда люди из его ближайшего окружения делали огромные состояния, приватизировали СМИ и использовали свое несправедное богатство для политического влияния. Ограничивая свободу и отбирая собственность олигархов, Путин, по мнению этих респондентов, закладывает основы политической и экономической системы, которая, вероятно, призвана служить интересам простых людей.

В главе шестой я перехожу от плохо функционирующих политических и экономических институтов к более общим социальным проблемам и их влиянию на распространенные взгляды россиян. Как в позднесоветский период, так и в первое десятилетие реформ, жизнь простых людей в России характеризовалась непредсказуемостью и социальной неупорядоченностью. В результате распада Советского Союза границы страны сжались, на смену плановой экономике пришел захватнический капитализм, одни государственные институты сменились другими, которые, в свою очередь, исчезли в пламени октября 1993 года, а потом возродились в ином виде. Инфляция стремительно росла, реальные доходы населения падали, а власти, похоже, больше были озабочены тем, кто кого победит, нежели решением проблем простых людей. В этом контексте, пожалуй, неудивительно, что россияне явственно озабочены порядком: в опросах они часто ставят порядок выше демократии или свободы⁴. В главе шестой

⁴ См. [ВЦИОМ 1997: 49–58].

я рассматриваю вопрос о том, что имеют в виду российские респонденты, когда говорят о порядке и его противоположности — беспорядке, и как озабоченность порядком влияет на поддержку демократии. Среди моих респондентов люди, которые полагают, что в их мире практически полностью отсутствует порядок, в большей степени готовы пожертвовать демократическими процедурами и свободами. Люди, меньше обеспокоенные социальным беспорядком, в большей степени поддерживают демократию, в меньшей степени готовы жертвовать свободой ради иных социальных целей и более склонны понимать «сильное» государство как государство, в основе которого лежат демократические институты. Для этих демократически настроенных россиян стремление к порядку и демократии основывается на понимании порядка, которое мало напоминает представление о порядке, характерное для авторитарных режимов прошлого, но имеет много общего с идеей порядка в западных демократиях. Они понимают порядок как обеспечение условий, при которых могут быть реализованы индивидуальные свободы, а сильное правительство — как механизм достижения общих целей.

В главе седьмой я анализирую восприятие обычными людьми изменений в политической жизни. Учитывая глобальное значение краха коммунизма, к моему удивлению, не все респонденты видят существенные изменения в своем политическом статусе. Если респонденты, которые относительно глубоко разбираются в политике и в большей степени поддерживают демократию, в основном видят и понимают изменения, произошедшие в российской политической жизни, то менее политически грамотные и менее демократически настроенные респонденты, как правило, не видят тех же самых изменений. Маловероятно, что люди, которые не видят, как изменились политические институты, изменят свое отношение к этим институтам. Они остаются вечно недовольными и апатичными и не способны действовать как граждане, поскольку по-прежнему воспринимают себя подданными государства.

В главе восьмой я говорю о том, чего россияне хотят от государства и что они хотели бы изменить, если бы могли. Я прихожу

к выводу, что поддержка существующей политической системы не связана с предпочтениями людей в отношении демократии или рыночной экономики. Эта поддержка не обусловлена в какой-либо значительной степени демографическими характеристиками респондентов. Однако она связана с убежденностью в том, что режим успешно обеспечивает порядок и предсказуемость. Респонденты, обеспокоенные тем, что они воспринимают как «беспорядок» в обществе, в большей степени склонны считать, что власть имущие действуют в своих собственных, а не общественных интересах. Несмотря на то что часть респондентов не удовлетворена существующей системой, они не испытывают особого воодушевления по поводу перемен. Такое отношение особенно очевидно при сравнении с выборкой американских респондентов, которые более уверены в правомерности существующих институтов и при этом более явно желают их изменить. Учитывая недавние политические и экономические потрясения и постоянное отсутствие финансовой стабильности, изменения кажутся слишком рискованными многим из моих российских респондентов. В целом они одновременно являются приверженцами существующих институтов — не желая их менять — и испытывают отвращение к ним, так как эти институты не отвечают потребностям общества.

Глава девятая посвящена заключительным наблюдениям. В ней суммируются основные выводы предыдущих глав и предпринимается попытка ответить на один из наиболее острых вопросов, волнующих исследователей современной России: почему так много россиян поддерживают Путина, несмотря на очевидно недемократический путь, по которому движется страна под его руководством? Из анализа глубинных интервью с очевидностью вытекает одна важная вещь: когда у россиян появляется возможность объяснить свое понимание демократии, рынка, изменений, отсутствия безопасности в повседневной жизни, своих ожиданий от правительства, а также понимание своей роли как граждан, многие видимые противоречия в их представлениях начинают рассеиваться. Российские политические и экономические ценности формируются в контексте отсутствия порядка, в обществе,

где считается, что чиновники набивают свои карманы за счет народа, где новые экономические возможности доступны лишь немногим, где обычная поездка на метро может стать тяжелым испытанием. Политические взгляды простых россиян во многом являются отражением этого мира, лишённого порядка. Таким образом, эта книга показывает, что распространённые политические предпочтения в значительной степени укоренены не в прошлом, а в настоящем. С точки зрения развития демократии в России, этот вывод обнадеживает. В конце концов, изменить настоящее проще, чем прошлое. Однако по крайней мере сейчас российское настоящее остаётся трудным временем и существующие политические и социальные структуры не способны удовлетворить потребности большинства граждан. В результате стремление россиян к порядку чревато проблемами для реализации демократического проекта. В силу этого стремления они слишком одобрительно относятся к энергичным людям — таким, как Путин, — которые обходят правила и демократические процедуры ради достижения своих целей. Из-за такого отношения некоторые россияне склонны принимать во многом порочные институты, поскольку опасности социальных и политических перемен слишком очевидны, чтобы их игнорировать.

Итак, в этой книге рассматривается целый ряд важных тем. Помимо анализа отношения россиян к демократии, рыночной экономике, порядку и изменениям, исследуется вопрос о том, каким, по мнению простых россиян, должны быть государство и общество. Эти темы непосредственно связаны с вопросом о социальном порядке, который является желанной, но для многих россиян недостижимой целью. Если говорить кратко, то эта книга закладывает основы для более глубокого понимания смещения демократии и автократии, которое столь характерно для России. Во многих странах мы видим смещение демократии и автократии, и многие люди страдают от действий политических институтов, которые не занимаются их проблемами, и поэтому анализ того, как простые россияне относятся к правительству и его деятельности, поможет нам лучше понять положение людей в несовершенном мире.